

Бахытжан Канакьянов

Поэт, прозаик. Автор книг стихов и прозы, вышедших в Казахстане, России, Украине, США, Малайзии. Лауреат ряда международных литературных премий, среди которых – Всероссийская премия им. А.Дельвига (2013) и Международная премия им. Мухтара Ауэзова (Казахский ПЕН-клуб, 2014).

ДАНЬ ВСЕВЫШНЕМУ

ПОВЕСТЬ

I

Серебряная чайная ложечка монотонно постукивала о край стакана в потемневшем от времени подстаканнике. Лицо прадеда было безучастным, казалось, что старец углубился в свои, только ему понятные мысли.

Сидящие за одним обеденным столом, согласно сложившейся традиции, молчали, правда, переглядывались между собой, ибо представляли три поколения этого большого семейства, а вместе со старцем – и все четыре. От прадеда до правнуков. А между ними в полном здравии те, кто приходился старцу дочерью и зятем, внучкой и её мужем, то есть ещё одним зятком, а малым сорванцам, этим самым правнукам, они же приходились и дедушкой и бабушкой, и отцом и мамой. Хотя у самих сорванцов была своя, только им понятная градация.

Старца правнуки нарекли «Ата большой», уважая его почти девяностолетний возраст, хотя он был меньше ростом своего старшего зятя и не столь крупным. Но семейная иерархия являла собой незыблемый кодекс, веками царивший в восточных семьях. Его и придерживались в семье, где старшим и главным был старец. Затем по возрасту шли ата и апа, то есть дедушка с бабушкой, которых внуки скороговоркой называли «Атапа», сокращая их в единое имя, тем самым не только объединяя, но и облегчая себе произношение этого родного для них словосочетания.

Вообще, надо отметить, Ата большой только по возрасту превосходил Ату маленького, но не по комплекции. Ата маленький был на голову выше своего тестя – но возраст есть возраст, и разница в двадцать лет позволяла и требовала от сознания малышей называть их так, согласно семейной субординации и восточному уважению к старшим, утверждаемому пиететом по старшинству, а не по внешним данным высокорослости – в высоту и виришь.

Вот такое необходимое разъяснение того, что касалось дедушек.

Бабушки же в нашей большой семье также имели свой статус, понятный только им да этим сорванцам, от пяти до десяти лет отроду. И они, будучи авторами этой самой градации, легко различали и по подаркам, и по интонации – кто к ним пришёл или же к кому они пришли.

К примеру, из «Атапы» вычленивалось «Апа». Это мама моей жены, то есть моя тёща. Она была главной бабушкой моих малых сыновей, в силу того что больше других уделяла им внимание и больше других возилась с ними. Другие – это моя матушка, делившая свое бабушкино время не только на моих сорванцов, но и на других своих внуков и внучек – детей моих братьев и сестер.

Моя матушка имела звание «Апашка», что, разумеется, тождественно слову «Апа», но с небольшим отличием, понятным только детскому воображению и их восприятию родства, строгости и ласки.

Третьей из этой когорты была «Баба». Это родная сестрёнка Аты большого. Она не имела своих детей и внуков и потому любовь свою и привязанность отдавала моим наследникам – Ике и Ляльку.

Когда их мама, то есть моя будущая супруга Гульнар, была младше их, то на алмаатинском горизонте появилась эта самая Баба. Она долго, ещё со времен войны, не была в Алма-Ате, так долго, что за это время её родная племянница, будущая «Апа», вышла замуж за будущего Ату маленького, и у них появилась дочь Гуля, будущая мама Ики и Лялька.

– Ты кто? – спросила любопытная Гуля, оглядывая незнакомую красивую тетю.

– Я твоя пратетушка. Баба! – безапелляционно заявила красивая тетя, закуривая папиросу или сигарету. Это сейчас не важно. Важно, что она курила и нарекла себя Бабой.

Была ещё моя нянька, русская женщина, Евдокия Михайловна Исакова, которая ещё в годы военного лихолетья пришла в дом моих родителей да так и осталась жить в нашем доме до своей кончины. Была верной маминной помощницей в воспитании не только меня, моих братьев и сестер, но также и наших детей. Няня в последнее время сильно болела и была на попечении моей старшей сестры, по образованию медика, – она и опекала нашу няню. При редких встречах няня всегда обнимала моих сыновей, одаривала копеечкой из своей скромной пенсии или карамелькой, которая всегда была в ее кармане.

Вот такая предыстория имен и прозвищ наших родных, большинство из которых в этот воскресный день восседало за столом, образовывая родство четырех поколений.

После старших следовали мы, молодые родители, и затем уже замыкали этот семейный круг сами сорванцы – Ика и Лялэк. У них, конечно, были совсем другие имена, данные при рождении самим старцем с положенной в таких случаях шильдеханой. Однако, учитывая суть настоящего повествования, назовем их так, как звали в то самое время из эпохи прошлого столетия, когда все родные и близкие были живы и здоровы – и старец-прадед, и дедушка с бабушкой со стороны мамы, и апашка со стороны папы, и Баба, легендарная тетя Кульпаш, и няня, тетя Дуся, и дядя Тимур, и тетя Сара, и дядя Сержан, и многие, многие родные и двоюродные дядюшки и тетушки, имена которых уже и не вспомнить.

Большой Ата, как обычно, пил чай, помешивая серебряной ложечкой, не обращая ни на кого внимания, сосредоточенно постукивая о край стакана.

А обратить внимание надо бы, ибо в воскресный день собралось все большое семейство на традиционный обед в доме маленького Аты, или, как говорили наши дети, в доме Атапы.

Чинное молчание за большим обеденным столом порою нарушал самый младший – Лялѐк.

Ерзал за столом, попеременно брал то конфеты, то варенье из прошлогодней смородины, то корчил рожицы и гримасы своему брату. Но не уходил первым, а терпеливо ждал, когда взрослые наконец позволят ему выйти из столовой во двор, откуда уже были слышны крики его сверстников, играющих на детской площадке.

Наконец ложечка перестала монотонно постукивать о край стакана в подстаканнике, и старец не спеша стал попивать ароматный душистый чай со сливками. Он чуть откинул голову, сидя в удобном кресле с резными подлокотниками, и произнес, как всегда, загадочную для постороннего слуха фразу:

– Безобразие!..

И этот его возглас был своеобразным синонимом неприятия какого-либо факта из теленовостей и высшей оценкой своего блаженства после выпитого чая.

Затем старец лукаво взглянул на своего младшего правнука и спросил, оглядывая представителей трех поколений:

– Когда?..

– На неделе, в пятницу, – ответил в тон вопросу зять, Ата маленький. И вслед за ним все закивали головами – и Апа, и родители мальчика, и даже десятилетний его старший брат, прошедший этот святой ритуал три года тому назад.

И только виновник предстоящего святого действия ничего не подозревал, но и он, видя обращѐнные на него взоры взрослых, на всякий случай воскликнул:

– А то что?..

Ика взглянул на Лялька, нетерпеливо дожидаясь, когда тот допьѐт свой любимый айран, чтобы вывести его во двор, где уже собрались все его сверстники, кроме них двоих.

– Гулять только во дворе, и ни шагу на улицу. Лялѐк полностью на тебе, – инструктировала мама Гуля, перехватывая взгляд старшего из своих чад.

– Лялѐчек-Икалѐчек, – почти пропела Апа. – Сейчас погуляйте, а потом я вас свожу в парк, на аттракционы.

– Дай поцелую, – потянулся к Ляльке Ата маленький.

Тот, к кому это обращалось, закрыл лицо пиалой, допивая айран, и замотал головой.

Ате маленькому очень хотелось выйти на балкон и закурить, но он терпеливо ждал, когда начнут убирать со стола, и включил телевизор.

II

У многих народов – иудеев, тюрков иудейской веры и, разумеется, мусульман – есть святой обычай и ритуал, уходящий глубокими корнями в древние-предревные века. Это обряд обрезания – дань Всевышнему. Мальчик в возрасте пяти или семи лет проходит через это ритуальное действие. Вспомним великую эпопею «Путь Абая» Мухтара Ауэзова. Тем, кто подзабыл, напомню, ибо я не раз редактировал и издавал эту тетралогию гения казахской словесности. И отдельными книгами, и полным собранием сочинений в пятидесяти томах. Когда мальчику Абаю сделали обряд обрезания, он воскликнул:

«О Аллах, лучше бы я родился девочкой, тогда не мучился бы, не делали бы мне это...»

На что мать ему ответила:

– Глупый мой жеребёнок, был бы ты девочкой, тебе пришлось рожать, а это побольнее будет.

– Ойбой, у них тоже есть, оказывается, такое мучение! – закричал он и тут же перестал плакать...»

Этот день, день совершения сундета, праздник для мальчика и для его близких и родных. Раньше в аулах устраивали той, мальчику дарили жеребёнка, который с годами вырастал в скакуна. Апашки и аташки, помимо конфет и прочих сладостей, щедро одаривали деньгами, а молодые жигиты дарили что-то ценное из своего степного гардероба – плеть-камчу с рукоятью, инкрустированной серебром, или заветный ножик в кожаном чехле, и даже сверстники мальчика делились с виновником торжества своими асыками – битой и шитимеками.

Ну, все это было так открыто и торжественно до Октября, большого и малого, который вихрем и ураганом пронесся по бескрайней степи, волнами смывая и срывая конно-кочевой уклад жизни. Пройдя голод, разруху и этапы разрушительной коллективизации, народ горсточкой проса рассеялся по миру – в Китай, Сибирь, Афганистан, Монголию, Иран и даже на Дальний Восток России.

А оставшийся степной люд после свирепого голода вместе с умирающими аулами перешел на оседлый и полуседлый образ жизни. Со временем эти раны залечила сама жизнь – новая, счастливая и трагедийная, пройдя стремительные пятилетки социалистического становления, через репрессии и войны, сквозь казенный уклад быта, индустриализацию и целину, оставляя людям, вчерашним кочевникам и шаруа, единственную радость в жизни – детей Советской эпохи.

И даже им, своим собственным детям, они никогда не рассказывали о тяготах прошлого. И если иногда и говорили об этом, то очень скупно и как бы невзначай. И мужская скупая слеза выдавала всю тяжесть этого признания. А женщины только через песню, народную и бессмертную, изливали боль и печаль своего недавнего прошлого. И каждый куплет или припев этой песни чередовался только ею рождёнными звуками – а-а-а-а, е-е-е-е, э-э-э-э... И эта интонационная тональность принадлежала ей и только ей, этой женщине из этого аула, который давно уже исчез в бесконечном пространстве Степи. А у другой бывшей аулчанки была другая, никем и ничем не заменимая интонация, принадлежащая веками только её аулу, который навсегда остался в неумирающей памяти бывших аулчан и их потомков да в самом запеве родной и бессмертной песни, которая переживёт ещё не одно поколение. И дочка этой престарелой женщины за вязаньем или шитьем, как когда-то в ауле за ткацким станком при рождении орнек-узора на текемете или при валянии кошмы, день за днем, слово за слово, звук за звуком погрузит светлую печаль этой песни в свою бездонную память и спустя время передаст ток этой песни своей дочери или своей внучке уже в нашем, двадцать первом столетии...

А в прошлом веке все это было под большим партийном запретом. И не только эти древние обряды и ритуалы, но и многие народные песни, а вместе с ними и некоторые сказки, предания, фольклор и эпос. И все поэтическое творчество Магжана Жумабаева – до и после его расстрела – было также под запретом, во многом и отчасти благодаря его же собратьям по перу, перешедшим на ту сторону

баррикад, где на крови безвинных жертв выстраивался уклад новой жизни. И всё же и тех, и других, разделённых революционным водоразделом, ожидал один и тот же исход – репрессии и расстрел.

А затем была война, и многие мужчины и жигиты, да и женщины из аулов и городов уходили на фронт, и многие из них не вернулись, остались навсегда лежать под Москвой, в болотах под Ржевом, под Сталинградом и Курском. Но время залечило и эти раны и утраты, оставляя в душах только бессмертную память которая нет-нет да вспыхнет в сознании каким-либо эпизодом прошлой судьбы, напомнит о годах лихолетья, и выйдет пожилой человек в ночь на балкон, где сквозь узоры листвы ветвей проступает луна, пришедшая из-за чёрных вершин, лишая чуткого сна в канун утренних сумерек.

III

Во дворе, собрав своих сверстников, Ика первым делом сообщил новость, что его братику, Ляльку, в пятницу сделают то, чему многих из них уже подвергли, то есть святому ритуалу.

Лялёк, насупив брови, молчал, глядя на старших товарищей, которые наперебой стали вспоминать об этом, забыв, что в недалёком прошлом их родители скрывали от молвы этот обряд.

– А меня увозили в аул, и там, у дедушки, подарили жеребёнка. Он сейчас уже подрос и участвует в байге.

– А мне подарили целую дорбу асыков! И это помимо денег и конфет.

– А мне подарили велосипед, и когда все зажило, я катался на нем с утра до вечера.

– Не бойся, Лялёк, только вначале больно, но зато потом можешь просить всё, что хочешь.

– А я и не боюсь. Жду не дожусь, когда она наступит, эта пятница.

Однако по лицу пятилетнего сорванца было видно, что тень тревоги надолго затаилась в его глазах...

Когда Ике исполнилось семь лет, мы с Гулей решили свозить его в Капал, где работал хирургом мой жезде Гадыл, муж старшей сестры Жемис. А Гадыл многим двоюродным братикам Ики в то запретное время тайком совершал обряд обрезания – сундет. При этом шёпотом инструктировал своих маленьких пациентов, чтобы они никому не говорили, кто они, зачем они здесь, почему приехали к дяде Гадылу. Даже медсестре, которая помогала ему в этом святом ритуале. И один из братьев, согласно кивая на увещевания дяди Гадыла, не выдержал и в последний момент, увидев медицинское кресло, с испугом спросил улыбающуюся медсестру:

– А моим братьям тоже здесь делали сундет?..

Как я уже упоминал, это было в незабываемое время, до перестройки, когда люди всего и всех боялись. Больше всего боялись расстаться с партийным билетом. Однако находили выход и из этого положения, самым тайным образом чтя вековые традиции своего народа.

В свое время из-за этого пострадал и мой отец, в целинные годы работавший директором школы в родном поместье Чокана Валиханова – в ауле Сырымбет. В высокие инстанции кем-то был послан сигнал-донос, что в ауле Сырымбет

появился заезжий мулла и совершает обряд обрезания среди детей аулчан. А директор школы, коммунист и депутат облсовета, потворствует этому. Говорят, что были многочисленные комиссии, в результате чего отец вместе с семьёй вынужден был переехать в соседнюю область, ближе к родным местам на Иртыше. А ещё говорят, что нянька, простая русская женщина, по своей природной мудрости прокляла членов этой самой комиссии, вынеся свой вердикт-приговор:

– Все вы обрезанные и крещёные!..

И все же были люди и личности, со всей глубиной понимания относившиеся к этой многовековой традиции. Однажды во Владивостоке, где я был участником всесоюзного фестиваля молодой поэзии, меня разыскал капитан второго ранга, или, по-простому, «кавторанг». Звали его Олжабек Жамангаринов. Он был родом где-то из-под Семипалатинска, с детства полюбил Иртыш, а затем и море. Стал моряком дальнего плавания. Военным специалистом. В одной из душевных бесед он поведал мне, что служит сейчас на Тихоокеанском флоте. А до этого служил на Черноморском. Там, в Севастополе, и осталась его семья: жена, родом из Ташкента, и сын, который учится в школе. Так вот, Олжабек был на военном рейде, в Средиземноморье, на авианосце, вблизи берегов Алжира. А сыну семь лет. Тут и в школу пора, и родители жены, проживающие в Ташкенте, звонят ей каждый день, чтобы совершить этот обряд. Она ему, Олжабеку, почти зашифрованной радиogramмой, мол, если не хочешь развода, прилетай на день-другой, а иначе предки её забирают вместе с его сыном в Ташкент. Он и решил по-морскому, что лучше начистоту всё рассказать своему военному начальству, всё как есть. И попросить по рапорту два дня для улаживания семейных вопросов.

А время тогда было непростое. Средиземноморский кризис. Очаг напряжения. Но, видимо, высоко ценили кавторанга Олжабека Жамангаринова. Вызывает замполит части. Или, как его называли на авианосце, «Батя». Вручает пакет и молвит, хитро шуря глаза:

– Вот спецдонесение. Полетишь через Сирию в Севастополь. Передашь представителю штаба округа. На всё про всё трое суток. И этим же самолетом обратно. В Севастополе помогут тебе слетать на сутки в Ташкент.

Олжабек тут же радиogramму жене, чтобы подготовила мальчика и ждала его на военном аэродроме в Бельбеке, что вблизи Севастополя.

– Через три часа с небольшим я был уже в Севастополе, на военном аэродроме. Хотел вначале в Бахчисарае найти какого-нибудь старца, но сам знаешь, что крымские татары в то время жили в основном в Узбекистане.

Друзья по военному округу помогли, чтобы я на другом самолете слетал в Ташкент и обратно. Так что и Батю не подвел, и старики ташкентские остались довольны, и жена... А самое главное – совершил обряд обрезания, сундет, для своего сына. И помогли в этом, можно сказать, вся Черноморская флотилия с авианосцем в придачу, – со смущённой улыбкой поведал кавторанг Олжабек Жамангаринов.

Не знаю, всё ли правда в этом рассказе, но иногда таким рассказам больше веришь, чем просто фактам из биографии, ибо подкупает душевная искренность собеседника.

А я вспомнил, как вёз своего старшего сына Ику в Капал, к своему жезде – хирургу Гадылу. По пути в Капал водитель заехал к одному знакомому табунщику, чтобы попить майского кумыса. Табун пасае недалеко от юрты, а сам табунщик

находился с сыновьями у открытого загона и был чем-то озабочен. Из его слов мы поняли, что табунщик никак не может завлечь в загон гнедую кобылицу, которая вместе со своим только что появившимся детёнышем вот уже вторую ночь находилась вблизи юрты и никак не желала возвращаться в загон. Сыновья табунщика из нескольких охапок сена сооружали лежбище в углу загона для жеребёнка и его своенравной матери.

Мы присели у костра. Был незабываемый майский вечер, когда вкус молодого кумыса, кажется, замешан на самом запахе сочных трав предгорья.

И вдруг незабываемый миг природы – из-за ближайшего холма, одухотворённая рождением своего детёныша, гордо подняв голову, торопясь грациозной поступью, слегка заржав, тем самым как бы оповестив окружающий её мир о своем возвращении, с достоинством выбрасывая вперёд копыта, устремилась в открытый створ загона статная, высокая гнедая кобылица.

И рядом, у её задних ног, почти слившись с ней, влекомый одним только запахом своей матери, на еще неокрепших ногах семенил пока ещё слабый жеребёнок, которому, может быть, было всего день с небольшим от роду.

Табунщик, суетливо прикрыв вход загона, в радостном возбуждении стал шептать непонятные, но знакомые ему с самого детства арабские слова молитвы.

В бликах костра было видно, что кобылица успокоилась и в дальнем углу загона стала кормить своего детёныша. И дыхание жеребёнка и дыхание его матери при легком дуновении майского ветерка слились с дыханием вечеряющего мира – такого вечного и всегда обновляемого.

IV

– Как в гостинице «Россия», – загадочно произнес Ика, вдыхая кислотоватый запах кумыса, когда мы зашли в юрту табунщика.

Я вначале не понял смысла детских слов и переспросил сына.

– Ну, папа, неужели забыл? Помнишь, как недавно ездили в Москву, и в гостинице «Россия», где мы жили, был точно такой запах...

И я вспомнил эту поездку – на знаменитый съезд писателей, который проходил в Москве.

Ика должен был идти в том году в школу, в первый класс. И я со своей женой Гульнар решил свозить его в Москву. Купить перед школой портфель, школьную форму, что-либо из учебников. И, как он сам настаивал, большой географический глобус. И я отправил самолетом Ику и Гульнар в Москву. А сам вместе с группой казахских писателей, делегатами и участниками предстоящего съезда, поехал поездом.

Эта традиция, еще с первого съезда Союза писателей СССР, основанного Максимом Горьким, многим писателям преклонного возраста была по душе, а мы, молодые, сопровождали их, находясь в составе делегации. Путь предстоял долгий, почти трое суток, но интересный и занимательный. Разбившись по купе, многие аксакалы рассказывали удивительные истории и байки из писательской жизни. А по пути следования, в Жамбыле, Чимкенте, Туркестане, Кызыл-Орде, Уральске, нашу делегацию непременно встречали и чествовали местная власть, а также писатели и журналисты из областных газет. За несколько минут на

перроне мы успевали отведать дары гостеприимства, включая и положенные сто грамм, несмотря на лигачёвский запрет, но, правда, из заварного чайника, то есть коньяк под видом чая. А ещё, в придачу, заносили в купе варёное мясо, шубат и кумыс в пластиковых канистрах. Так и ехали «инженеры человеческих душ» от одного областного центра до другого, где вновь встречали и вновь провожали на предстоящий съезд писателей в Москве. Я поселился в купе, где был классик детской казахской литературы Муз-ага. Он ехал со своей внучкой и очень обрадовался, что мой сын Ика уже находится в Москве. Обрадовался, что его внучка будет играть с ним в гостинице, пока мы будем участвовать в работе писательского съезда.

Где-то в Аральске классику детской литературы передали в дар две квадратные десятилитровые канистры с шубатом и кумысом. Он с удовольствием выпил пиалу верблюжьего шубата, угостил меня и сказал, что этот бесценный дар приаральских степей надо довести до Москвы. И там, в течение недели, пока будет длиться писательский съезд, наслаждаться в гостинице этими божественными дарами.

А до Москвы ехать и ехать, ещё около двух суток. Ландшафт за окном вагона чередовался от Мугалжарских предгорий до пустынь и равнин. А за Актюбинском уже стали появляться небольшие речушки и колки берез. А затем был Уральск на великой реке и российские бескрайние поля вблизи Саратова, где Волга-Едиль разливалась так, что почти не было видно противоположного берега. И поезд тук-тук, тук-тук. И в такт колесам содержимое в канистрах покачивалось и сбивалось во сто крат лучше, чем в юрте или в степи, где испокон веков и настаивалось это молоко верблюдиц и кобылиц в высоких, продолговатых деревянных кадках, доводя его до конечного состояния. А здесь, в поезде, в вагоне, в нашем купе, этот продукт от качки и такта колес, как говорится, бродил и перебраживал, распирая эти канистры. И они потихоньку постепенно превращались из квадратных в полуовальные.

Я это заметил только в Москве, на Казанском вокзале, где нашу делегацию встречал большой автобус «Икарус». А на перроне вместе с другими встречающими были и моя Гульнар с Икой.

Я, разумеется, стал помогать аксакалу донести эти так называемые мины замедленного действия до автобуса, который должен был отвезти нас в гостиницу «Россия».

Гульнар, увидев, во что превратились канистры, сделала страшные глаза и по женской логике посоветовала открыть пробки. Но я её остановил, ибо это всё надо было сделать, ну, где-то между Саратовом и Рязанью. А сейчас, находясь на перроне Казанского вокзала, чревато, так как перебродившее молоко горячих кобылиц и буйных верблюдиц выплеснется полностью и зальёт не только багажник автобуса, но и часть перрона Казанского вокзала. Будь что будет. Как-нибудь, с помощью Аллаха и духов Тенгри, доведем до гостиницы. А там, в номере, под холодную струю в ванной. Только это и спасёт нас да сохранит содержимое в канистрах, чтобы наслаждаться этими дарами в перерывах между заседаниями и работой съезда писателей.

Однако и в автобусе качает. Я то и дело при неровной тряске переглядывался с Гульнар. Её уже начинал душить нервный смех. И только классик казахской детской литературы, всеми уважаемый Муз-ага, с невозмутимым видом сидел, как и полагается классику, впереди нас и показывал своей внучке проплывающие за автобусным окном виды матушки-Москвы.

У вестибюля гостиницы «Россия» под руководством швейцаров рабочий персонал помогал разгружать наш писательский багаж. Я со страхом взял сначала пузатую канистру с шубатом и затем не менее пузатую с кумысом. В просторном холле среди чемоданов они выделялись не только своей формой, но и своим непредсказуемым содержимым. Остался последний рубеж – подъём на лифте, и не знаю, до какого этажа. Это стало известно после оформления и регистрации всей делегации. Этим занимались миловидные девушки из оргкомитета по подготовке и приёму участников съезда.

Итак, восьмой этаж. Ика уже познакомился с внучкой Муз-ага. И они вместе с классиком казахской детской литературы, взяв кое-что из багажа, отправились к лифту. И вместе с ними моя Гульнар. Я остался один с двумя обезображенными до неузнаваемости канистрами, дарами степей и пустынь Казахстана. Я попросил человека, одетого в ливрею, помочь за умеренную плату отнести канистры к лифту и затем поднять до восьмого этажа. Я шел за ним аманатом-заложником своего степного груза, со страхом поглядывая на него, в чьих руках было почти двадцать литров непредсказуемой смеси. А он как ни в чём не бывало шел в сторону лифта в ожидании обещанных чаевых. А я ему ничего не сказал про содержимое. Даже в лифте, когда он пододвинул ногой ближе к себе эти дары природы.

И вот восьмой этаж. Идём по долгому горизонтальному колодцу коридора. Одним словом, зиндан перед предстоящей казнью, и аркан неминуемой расплаты уже сжимал мое пересохшее от волнения горло. И вот настал тот самый миг, которого я ждал с холодящим ужасом и содроганием. Как только мы вошли в номер уважаемого Муз-ага, канистры взорвались. Первой, разумеется, канистра с шубатом. Пробка, сорвавшись с резьбы, с такой силой вцепилась в дверь ванны, что она открылась от удара. Я только успел открыть кран холодной воды. И подставил под струю выпуклый бок злополучной канистры. Швейцар чертыхнулся и помянул по матушке и по отцу всех верблюдиц и кобылиц степного края. Он хотел было вслед за мной занести и канистру с кумысом в ванную, но, видимо, задел ненароком пробку. Ну а там дело уже известное. Выкипающий кумыс покрыл почти всю ливрею швейцара. Мне пришлось срочно замаливать этот инцидент, как и подобает, по понятиям, то есть к обещанным чаевым добавить ещё процентов тридцать из своих командировочных.

Весь номер досточтимого Муз-ага, где всю неделю Ика и внучка классика играли и любовались видами Красной площади, Кремля, Москва-реки, пропах кислотовато-ароматной смесью запахов шубата и кумыса. Разумеется, что после этого любая юрта в степи уступит по запаху этому номеру на восьмом этаже гостиницы «Россия». Потому и Ика, как истинный казах, знающий своих семь предков, безапелляционно заявил, находясь в юрте табунщика, что запах этой юрты напомнил ему запах гостиничного номера.

А Ика всю неделю играл с внучкой Муз-ага и только вечером возвращался в наш номер, который находился через два номера по коридору. Они носились по длинному колодцу коридора гостиничного блока. И вновь забегали в пропахший степными ароматами номер Муз-ага. И сами насквозь пропитались этим неистребимым запахом, с головы до ног. И все вещи в номере были полны этого запаха – кумыса и шубата. И даже новенький глобус, на покато боку которого Ика, хвастаясь, показывал страны и материки. И их абсолютно не касалось все то, что творилось на знаменитом съезде писателей. И что во время отчетного доклада

стало плохо первому секретарю нашего большого союза Георгию Маркову, и что в знак протеста против рассказа Виктора Астафьева покинула зал заседаний делегация грузинских писателей, и пришлось вмешаться министру иностранных дел Эдуарду Шеварднадзе, чтобы уговорить писателей Грузии вернуться в зал заседаний. И что глава нашей делегации поэт Олжас Сулейменов клеймил с высокой трибуны чиновников-идеологов местного пошиба, говорил, что они должны быть рачительными садовниками, но функционируют, как отъявленные лесорубы. Обо всем этом делились между собой писатели разных республик, засиживаясь до глубокой ночи в гостиничных номерах, за чаем с привезёнными баурсаками, попивая остатки кумыса и шубата из ставших уже нормальными по форме канистр. Но это всё, и по возрасту, и по восприятию, ну никак не касалось малых чад – Ики и внуки Муз-ага.

Они, впитав в себя ароматный запах степного отечества, который вместе с былым дымом, как известно, и сладок и приятен, навсегда занесли всё это в своё подсознание. Быть может, для них и на самом деле было естественным, что этот аромат будет отныне сопровождать их повсюду, включая те страны и материки на покатом боку Икиного глобуса.

V

Ата маленький обычно только сам, никому не доверяя, варил мясо для предстоящего бешбармака. Вот и сегодня, в пятницу, выбрав отборные куски свежей баранины, он поместил все это в большую эмалированную кастрюлю, а отдельно в двух других, размерами поменьше, опаленную баранью голову и круги казы, карта и шужука, то есть остатки от прошлогоднего согыма. Барана зарезали в канун этого дня, ради чего Ата маленький специально съездил в поселок под Алма-Атой, где жил его младший брат Тулеген. Там же и обработали баранью голову и потрохи с печенью для куырдака.

Ата маленький хотя и уступал по возрасту Ате большому, почти двадцать лет, тем не менее прожил большую и интересную жизнь, полную радостей и печалей. Ему было под семьдесят, родился он в Коскуле, на родине великого певца и композитора Акана-сері, а в школу пошел в одном из русских поселков в Тюмени, куда в годы голода перебрался его аул – и тем самым многие аулчане выжили от вымирания в степи. После окончания школы ушел добровольцем на фронт. У него был убористый, очень красивый почерк. И он писал письма родным и близким по просьбам многих бойцов, не владеющих в должном объеме грамотой или имевших совсем никудышный почерк. И эти бойцы-однополчане поведывали ему, Ате маленькому, свои сокровенные мысли и сердечные приветы жене и малым детям, а в конце письма для достоверности приписывали уже своей рукой: записано с моих душевных слов и подпись, такой-то, полевая почта такая-то. Этот почерк и спас однажды Ату маленького от неминуемой гибели. Об этом он как-то поведал своим внукам – Ике и Ляльку.

Дело было у линии фронта. Оставшийся после боя взвод, где служил Ата маленький, погрузили на полторку, чтобы перебросить на новую безымянную высоту, а Ата маленький, еще ночью перед боем написавший от имени бойцов письма-треугольники, решил забежать перед отправкой в комендатуру, что находилась вблизи железнодорожного разъезда, чтобы передать эти письма

начальству. Тут артобстрел и налет «мессершмитов». И на глазах Аты маленького в полуторку, заполненную его бойцами-однопольчанами, попал снаряд. Машину вдребезги и в щепки. И – никого в живых. Одни только письма-треугольники в руках – как память о его друзьях-однопольчанах. Ата маленький едва не лишился рассудка. Но война есть война. И его зачислили в другую часть. А командир роты и офицер из особого отдела приказали ему, чтобы он, обладая хорошим почерком, оформил на всех погибших бойцов его взвода похоронки. Он писал и слезы невольно текли на убористые скорбные строки. После каждой фамилии и каждого имени – погиб смертью храбрых. Он хотел было семьям двух самых близких его бойцов-друзей написать, что они еще живы и здоровы, и продолжают воевать. Но офицер из особого отдела запретил ему это делать. Так и прошел Ата маленький всю войну, как заговоренный, целым и невредимым.

Ика, не проронив ни слова, молча выслушал этот скорбный рассказ Аты маленького, а затем, вздохнув, спросил:

– А вдруг бы ты погиб?

– Бог миловал, ну, а если бы погиб, то и тебя на свете не было бы, – грустно улыбнулся Ата маленький. – Ну, что это я говорю, – видя печальные глаза внука, засуетился Ата маленький. – Конечно же, ты бы все равно появился на свет, и Лялэк появился бы, но... у вас был бы другой дедушка-ата.

Когда в школе, спустя годы, писали сочинение на тему войны, Ика закончил его такими словами: «...я не могу сказать, плохо это или хорошо, что судьба так обошлась с моим атой. Я просто знаю, что его почерк спас ему жизнь».

А после войны Ата маленький поступил и закончил университет, прекрасно знал казахскую и русскую литературу, стал со временем переводить казахских писателей на русский язык, а русских писателей – на казахский. И сорок с лишним лет работал преподавателем в институте. И многие родственники из его родных мест не раз просили Ату маленького помочь поступить их сыну или дочери в какой-нибудь вуз. И Ата маленький никогда не отказывал, делал все возможное и почти невозможное, чтобы чадо дальних родственников или просто знакомых стало студентом, даже если это чадо не могло его порадовать своими оценками в аттестате. Но просьба есть просьба, а сыновний долг перед родным аулом всегда остается долгом, даже если он с лихвой, как говорится, выполнен. И только однажды Ата маленький не выдержал и в порыве безграничной радости и гордости заявил своим бесконечным просителям:

– Все, хватит! Не буду никому помогать! Берите пример с моего сына. Он сам, представляете, сам поступил в Московский университет. В МГУ!

А все дело в том, что его сын, умница Акан, закончил физико-математическую школу в Алма-Ате и решил поступать на физфак Московского университета. Ата маленький был вначале категорически против, ибо в его сознании никак не укладывалось, что можно просто так, по своим знаниям, поступить в институт. И не просто в институт, а в московский, и не просто в московский, а в МГУ, то есть в самое главное учебное заведение Страны Советов. Видимо, частые просьбы аулчан из родных мест способствовали тому, что у Аты маленького сложилась многолетняя система взглядов по поводу поступления в тот или иной вуз. А потом, как мудрый отец семейства, поразмыслив, решил. Экзамены в МГУ на месяц раньше, чем в другие институты Алма-Аты и страны, не с первого августа, а с первого июля. Это, во-первых, а во-вторых – решил послать вместе с сыном

и дочь Гульнар, будущую мою жену и мать Ики и Лялька. Чтобы она наняла в Москве очень хорошего репетитора и сама позанималась с Аканом. Гульнар только что окончила Казахский университет и с радостью согласилась поехать вместе с братом на целый месяц в Москву.

Ата маленький после их отъезда решил про себя, если Акан не поступит в Москве, а в этом он был почти уверен, то устроит своего сына в Казахский университет, то есть в КазГУ. И каждый божий день ждал звонка из Москвы с печальным известием, что его сын провалил экзамен.

Но вести из Москвы были, как ни странно для него, противоположными, и отнюдь не грустными, а наоборот очень и очень радостными. Первый экзамен сдан на отлично, и второй экзамен сдан на отлично, а третий – на хорошо. Проходной балл был набран. И сын Аты маленького, на его удивление и изумление, поступил на физфак МГУ. Радости не было предела! Ата маленький в порыве этой радости и стал звонить своим просителям, чтобы они и не надеялись на его помощь, чтобы их лоботрясы так же готовились к вступительным экзаменам, как его сын. В голове Аты маленького ну никак не укладывалось, что его сын вопреки глубоким и сердечным сомнениям все-таки поступил своими силами в Московский университет...

Иногда казалось, что Ату маленького знает весь город, или он знал почти всех горожан. Однажды Ика, гуляя с ним, заметил, что Ата маленький на каждом перекрестке с кем-то здоровался, и они подолгу беседовали, а Ика скучал и торопил своего деда идти дальше.

Да, известным был человеком Ата маленький в кругу писателей и преподавателей столичного города. Когда была наша свадьба с Гульнар, моя будущая теща поручила моему будущему тестю раздать приглашительные на той-торжество. И сама впоследствии горько пожалела об этом, поскольку Ата маленький каждому встречному-поперечному, мало-мальски знакомому говорил о предстоящей свадьбе и приглашал, для верности тут же выдавая приглашительный билет. Самый большой по тем временам зал, столовая Алмаатинского завода тяжелого машиностроения, на 400 персон, еле вместил всех приглашенных. А когда надо было расходиться гостям, то тут помог дядя Олжабай. Полковник милиции, начальник отряда ПМГ – передвижной милицейской группы, он, будучи сам приглашенным на свадьбу, вызвал по радию весь передвижной транспорт личного состава, двадцать или тридцать милицейских машин, объявив, что начинается операция «Свадьба».

Машины с мигалками и воем сирен примчались к столовой завода и развезли многочисленных гостей по домам.

Мой старший брат Сержан занимал довольно высокий пост в аппарате Совета министров республики, а затем был некоторое время министром по внешнеэкономическим связям. И многие из знакомых Аты маленького желали поближе познакомиться с ним. Ата маленький, очень уважая моего брата, отказывал им в этом знакомстве.

А они не верили, что Ата маленький состоит в тесном родстве с моим братом, и подтрунивали над ним. Ата маленький не выдержал и однажды, чтобы наглядно показать, в каком крепком родстве он находится с моим братом, позвонил ему по прямому телефону и попросил, чтобы он вышел к скверу у Дома правительства и при встрече просто обнял его, Ату маленького. Мой брат, также сильно уважая

моего тестя, вышел в сквер и увидел Ату маленького, а недалеко от него у фонтана сидели, как он догадался, сослуживцы моего тестя. И он понял его уловку, подошел, улыбаясь, и крепко обнял. И не отпускает.

Так и стояли два высоких, статных человека. Ата маленький и мой брат, который не отпускает из своих объятий. А только, улыбаясь, спрашивает:

– Хватит или еще подержать?!

– Хватит, дорогой Сержан, спасибо! Отпусти, а то задушишь...

Ата маленький снял сетчатым половником накипь закипающего мясного бульона и пошел открывать дверь, в которую настойчиво и требовательно звонили, ни на секунду не переставая.

В дверях, радостные и возбужденные, стояли Апа, Гульнар и Лялэк.

– Это кто пришел?!

– Это мы пришли. И вот что купили Лялэчке.

В руках у Лялька была большая коробка с надписью «Мастер-конструктор».

– Вот это да! «Мастер-ломастер». Дай, я тебя поцелую.

Лялэк, как обычно, закрыл лицо коробкой конструктора. Он всегда избегал таким образом щетины Аты маленького, когда тот пытался его обласкать.

– Вот болтерек!!

Именно так выражал свою обиду Ата маленький на эти отказы Лялька.

– Ладно, ата, не мешай. Нам надо Лялька приготовить. Сейчас Батыр приедет.

Да и Ика с отцом что-то задерживаются на базаре...

Вскоре пришли мы с Икой, исполнив все поручения Апы и Гульнар по покупке зелени, овощей и фруктов на базаре.

Пришел и близкий знакомый Аты маленького, хирург Батыр, ему и поручалась главная роль по исполнению обряда-сундета.

– Салам, молдеке-кажы², – шуточно приветствовал Батыра Ата маленький.

Ата большой, Апашка, Баба, тетя Сара и дядя Тимур, дядя Сержан и многие другие родственники должны были подойти часам к пяти, благо пятница, и на работе был неполный рабочий день. Даже если и полный, то по такому случаю можно и пораньше уйти, отпросившись у начальства.

Лялька поцеловали все по очереди и уложили в спальне Атапы на просторной кровати...

Пока готовили праздничный стол, хирург Батыр совершил свое святое действие.

VI

Ика заглянул в спальню Атапы, где лежал Лялэк на их просторной кровати.

– Ну что, Лялэк, поздравляю. Получишь много подарков и денег. Потом мне расскажешь, сколько тебе дали.

– Ладно, – насупив брови, произнес виновник торжества, чуть морщась от боли.

– Не мешай, иди лучше на кухню, помогай маме, – это уже Ата маленький возник за Икой в дверном проеме. Он подошел к своему младшему внуку, наклонился над ним и поцеловал.

¹ Волчонок.

² Смысл. пер. «Привет, святой по сундету».

– Айналайн сол³, – ласково произнес Ата маленький, тем самым благодарил его, внука, позволившего поцеловать после святого ритуала.

Затем, оглядев большое смятое одеяло, вздохнул и вышел. Через несколько секунд вновь зашел, держа в руках свою просторную фетровую шляпу. И, откинув край одеяла, водрузил шляпу на промежность своего внука. Она удобным полым резервуаром предохраняла от ненужных касаний большого места.

– Так хорошо?

Лялэк благодарно кивнул Ате маленькому.

– А это тебе от меня, – Ата маленький дал своему внуку крупную купюру одной бумажкой.

Лялэк подержал в руках первый денежный подарок, а затем свернул купюру и засунул под шляпу.

Ата маленький рассмеялся на эту смекалистую проделку любимого внука и вышел из спальни...

Первым пришел Ата большой, благо жил он у своего сына Тимура, в трех кварталах от дома Атапы, и часто, прогуливаясь по вечерам, заживал в дом старшей дочери.

– Барекельды⁴, – чинно и блаженно улыбаясь, произнес Ата большой, поцеловав Гульнар, свою любимую внучку, а затем и правнука Ику. Остальным же просто кивнул и степенно прошел в столовую. Он обменялся последними новостями с Атой маленьким, Батыром и со мной. А затем его старшая внучка, моя супруга Гульнар, завела его в спальню. И почти девяностолетний старец, нежно чмокнув правнука, тоже что-то дал из своей персональной пенсии.

Автор нескольких романов, переводчик-профессионал и издатель, Ата большой не раз рассказывал мне о своих встречах с Магжаном Жумабаевым, Сергеем Есениным, Ахметом Байтурсиновым, Мыржакыпом Дулатовым. Хорошо был знаком с Мухтаром Ауэзовым, общался с Анной Ахматовой. Каждая беседа с ним оставляла большой след в моей душе. У него был богатейший архив и прекрасная память. Он собирал данные о первой казахской интеллигенции, которая почти вся была репрессирована. Многие писатели говорили, что достаточно прикоснуться к нему, как почувствуешь его святость. Когда в стране в тридцатые годы начались чистки, он понял, что либо будет арестован, либо его заставят на кого-то доносить. И потому Ата большой умудрился уехать в далекий глухой аул, хотя перед этим работал в отделе, который непосредственно курировал Леон Мирзоян – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Надо иметь большое мужество, чтобы прожить такую большую жизнь и ничем себя не запятнать.

Это от него я впервые узнал мало кому известные факты биографии генерала Губайдуллы Жангирова, или, как его называли в Букеевской Орде и в царской России, Губаш-Чингисхана. Сын хана Жангира, один из первых казахов-военных и государственных деятелей девятнадцатого века. Генерал от кавалерии или полный генерал рода войск царской армии. В 1856 году окончил пажеский корпус Санкт-Петербурга с присвоением звания младшего офицера кавалерии, затем был направлен корнетом в лейбгвардию полка, дослужился до звания полковника. С 1871 года – флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества, куда входили безукоризненно честные, лично преданные императору

³ Досл. пер. «Кружусь вокруг тебя», непереводимое тюркское выражение ласки и любви.

⁴ Добрый знак, досл. «Свершилось».

люди, выполнявшие его личные поручения в резиденции царя. В 1874 году император Александр II назначил его руководителем телеграфного департамента, одновременно он выполнял обязанности по делам казахов, башкир, калмыков и крымских татар. Героический участник Русско-турецкой войны, нес персональную ответственность за все телеграфные линии и корреспонденции Балканской армии с подчинением непосредственно главнокомандующему и начальнику штаба. Был награжден многими российскими и иностранными орденами и золотым оружием с надписью «За храбрость». А в последние годы жизни в Министерстве внутренних дел возглавлял сферу национальных меньшинств по решению проблем Туркестанского края...

Ата большой не раз подчеркивал, что генерал Губайдулла Жангиров имел прогрессивные взгляды, оказывал помощь казахам, приехавшим в Санкт-Петербург. Помог вызволить из тюрьмы поэта Акмуллу. Близко общался с пушкиноведами, а также с Натальей Гончаровой-Ланской. Собрал 1000 рублей от буковцев на сооружение памятника Пушкину в Москве. И как человек, внесший свой вклад в это дело, был одним из ораторов, выступивших на торжественном открытии памятника.

Однажды Ата большой загадочно сказал, что Губайдулла Жангиров в последние годы жизни испытал большое потрясение, когда, по ложному обвинению в устройстве казахских детей в высшие учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга, попал в Акмолинскую тюрьму. Был освобожден под залог. И большую помощь в освобождении оказал Бахытжан Каратаев, будущий деятель Алаш Орды, который возглавил казахскую делегацию к царю. В 1902 году Губаш Чингисхан вышел в отставку. Умер в Ялте в 1909 году в своем родовом имении, пожалованном императором за долголетнюю службу. Там же и похоронен. Вот такая судьба удивительного человека, вобравшего в свою биографию многие страницы из истории России, Казахской степи, Туркестанского края и Крыма...

Я так заинтересовался судьбой этого человека, что когда был в Ялте, разыскал по просьбе Аты большого школу по улице Боткина, которую до сих пор называют «дачей Чингисхана». А в архиве краеведческого музея Ялты обнаружил редкую фотографию Губайдуллы Жангирова, стоявшего в генеральском мундире на крыльце своего дома, который и стал в последующие годы общеобразовательной школой.

Ата большой не раз мне рассказывал о крымчаках и караимах, тюрках иудейской веры – их язык родственен казахскому по западно-кипчакскому диалекту. Судьбу они называют более поэтично – «кызмет болса», что в переводе означает «была бы работа», а все остальное, как говорится, приложится. Очень интересно у них зовется месяц декабрь, в отличие от нашего «желтоксана» у них называют «согым ай», то есть время убоя скота на зиму.

У крымчаков очень интересны и занимательны бытовые, молитвенные песни, сохранившиеся в рукописном виде чагатайским и арамейским письмом. Эти молитвы они называют тасур, а рукописи – джонками. Одну из этих джонок Ата большой однажды зачитал мне, и в переводе она звучит примерно таким образом: «Все творения неба и земли, свидетельствую, все вместе свидетельствуют, что Бог един, и был един, и слова, обращенные к нам, считаются величественными, и смысл их в том, что выше всех слов – великий Тенгри!

Когда душа задумывается о написанных для всего мира книгах и обо всем, что существует кроме тебя, она понимает, что все это создано по велению Тенгри.

С начала и до конца существуют север, запад, восток и юг, и всему миру известно, что идет с одной стороны, а что с другой. Все вокруг берет у тебя силу, ты могуч и вечен, Тенгри, а все тленны, поэтому все тебе честь оказывают, и с начала и до конца только ты единый наш отец, Тенгри»⁵.

Как видно из этой джонки, боги и религиозные святые из века в век сменяли друг друга, но самое главное – все начиналось с бога Тенгри. Ата большой всегда открывал и закрывал застолье своими бата – благословением. Он был мастером этого импровизированного благословения, ибо оно почти каждый раз отличалось новизной и менялось от случая к случаю, исходя из того, ради какого торжества собралось застолье. Одно такое благословение записала моя матушка, смысл его примерно таков:

Адалдан бер актан бер
 Ер маңдайын баққа бер
 Аброй асқан жаққа бер
 Қара тастай қазанды
 Қас ойлаған жатқа бер
 Сөнбес күндей жарық күн
 Жазығы жоқ жасқа бер
 Адал досты актан бер
 Мейрім түскен ұрпағым
 Ұзақ өмір бақта бер...

Дай Бог
 Быть добрыми,
 Быть искренними.
 Дай молодцу-жигиту
 Счастье сохранить.
 Дай Бог
 Достойными быть,
 Чистыми,
 И бытия продолжить нить.
 Лучом минуем камень смерти,
 Минуем зла ночные сети.
 Дай Бог
 Найти опору нам.
 Дай долгой жизни, Божий храм,
 И милость по земным делам...

А вот и пришла она, моя матушка, или Апашка, как нарекли ее мои дети. Она родом из тех же мест, откуда был Ата маленький, Аиртау и Коскуля, а потому была рада этому родству после моей женитьбы на Гульнар. Она с порога совершила ритуальное шашу, рассыпав горстями конфеты и монеты. Ика тут же собрал несколько рассыпанных монет и конфет. Апашка, обнявшись со всеми, зашла в спальню, где лежал Лялёк, и подарила ему детский костюмчик.

⁵ Из архива Д. И. Реби, исследователя крымчакского языка.

– Кулыным менің⁶!

Она имела полное право так его называть, ибо она и только она научила его ходить, когда почти год до ясли-сада нянчилась с Ляльком. А все остальные – Апа, Ата, мама Гуля – работали не покладая рук. Ну а Апашка выгуливала Лялька, как маленького жеребёнка для табуна будущей жизни.

Апашка научила Лялька не только ходить, но и подавать домашние тапочки каждому, кто входил в дом.

Как только открывалась дверь, он бежал навстречу вошедшему, держа в руках шлепанцы или тапочки. И все умилялись этому, благодарили и ласкали малыша, гладили по головке, приговаривая: какой заботливый, какой внимательный мальчик! Но однажды к нам домой зашел всем известный дядя, Шота Валиханов. И выпучив глаза, грозно произнес, глядя, как к нему бежит мой младший сын, держа наготове в руках домашние тапочки.

– Это что такое?

Бедный Лялёк застыл в шаге от грозного дяди.

– Почему потомок Чингисхана, тюре-чингизид занимается этим рабским делом?

– Потому что любит и ценит тебя, кайным⁷, такого же потомка Потрясателя Вселенной, – в тон ему лукаво ответила моя матушка, его женгей⁸.

– Нет, так дело не пойдет! Во-первых, мне должны подносить сафьяновые туфли, а во-вторых, это должен делать кто-то из слуг, в крайнем случае, женгей, кто-то из туленгутов, а не этот мальчик-тюре.

– Время сейчас другое, да и мой внучек не знает, кто такие тюре-туленгуты, – уклончиво ответила матушка, желая перевести разговор.

Но не тут-то было. Экспансивный наш дядя Шота тут же прошел в комнату, посадил рядом ошарашенного Лялька и на белом листе бумаги стал чертить схему-шежіре.

– Слушай меня, отрок, – поучал он малыша. – Вот наш самый главный предок Чингисхан, а вот дальше Джучи, а вот – Токай-Тимур, а вот Оз-Тимур, а вот знаменитый Аз-Жанибек, а вот Ишим-хан, а вот не менее знаменитый Салкам Жангир, а здесь, чуть ниже, уже Абылай и его брат Султанбет. А от него и идет ваша ветвь. Повторяй за мной...

И Лялёк стал повторять вслед за дядей Шотой неизвестные ему имена своих предков.

И моя матушка, его Апашка, всплакнула, когда услышала от своего внука:

– Чингисхан, Абылай хан, Султанбет, Канапья, Мусахан, мой папа, я.

– Так-то! – с довольным видом произнес неутомимый дядя Шота. – А тапочки больше никому не подноси, не твоего уровня это дело, понял, бала-тюре⁹, ибо ты принц!

Лялёк озадаченно кивнул в ответ.

– Чему учишь, кайным? – покачала головой моя матушка, учительница по образованию.

⁶ Жеребёнок мой!

⁷ Младший родственник со стороны мужа.

⁸ Жена старшего брата или близкого родственника.

⁹ Мальчик-чингизид.

– Тому, что он должен и обязан знать, – с пафосом ответил дядя Шота Валиханов...

А Лялёк лежал в спальне Атапы и глазел то в потолок, считая хрустальные стекляшки на люстре, то в окно, в просветах которого иногда появлялся футбольный мяч и вновь исчезал. Это так зазывали его друзья на детскую площадку, забыв, что сегодня та самая пятница, и ему нельзя выходить из дома, а надо лежать в спальне Атапы и принимать ценные дары от родных и близких. Иногда слышалось сквозь открытую форточку:

– Лялёк, выходи играть!

Но он лежал и по голосам определял, кто пришел в этот день, день Лялька, в дом Атапы. Вот пришли тетя Сара и дядя Тимур, а вот тетя Камиля с дядей Хабибом. С ними был и их сын Мухаммед. Его Ика и Лялёк прозвали Малышом. А вот послышался громкий голос с хрипотцой. Это пришла Баба, тетушка Кульпаш. Затем пришли тетя Айжан и дядя Газиз. Самым последним был дядя Сержан, он, как всегда, задержался на работе.

И каждый из них, после взаимных приветствий и поздравлений, заглядывал в спальню к Ляльку, целовал и дарил – кто игрушку, кто рубашку, а кто денежку. И после каждого гостя в спальню заскакивал Ика и спрашивал:

– Ну, сколько, Лялёк, насобирал?

– Не скажу, – отвечал Лялёк, двумя руками прикрывая фетровую шляпу Аты маленького.

VII

А застолье было в самом разгаре. И время за окном бытия было совсем другое – время перемен. Никто уже не скрывал ни от кого и сам ритуальный обряд, и той-пиршество по этому поводу. Все шутили и веселились, как в стародавние времена, в эпоху фольклора и эпоса. Разумеется, в присутствии Аты большого много не пили, но Ата маленький находил момент, чтобы завлечь на кухню то тетю Кульпаш, то дядю Сержана, то дядю Тимура, и там продолжал угощать от всей души, а после опять все садились за стол. А там ненароком-невзначай речь зашла о древних, еще доисламских обычаях и традициях. И Ата большой вновь стал терпеливо объяснять, что это все своими корнями уходит в глубокую древность, в языческие, тенгрианские времена, когда в основном поклонялись небесному божеству Тенгри и духам природы. И бата-благословение имеет такие же великие корни, ростки которых век за веком вошли в ту или иную религию.

Это был транзитный период нашего бытия, когда еще не приглашали представителя религиозного культа – муллу; собирались только близкие и родные, в узком семейном кругу, ибо в силу своего природного ума понимали, и сердцем и душой, что не всякий представитель духовного сана достоин этой высокой миссии – быть посредником между простыми смертными и Всевышним, данью которому и обозначен был этот древний обряд и ритуал.

Баба, тетя Кульпаш, после ухода Аты большого, захмелела и стала, как всегда, вспоминать свою былую веселую жизнь. Она выходила на балкон и там, закурив очередную сигарету, рассказывала, как в годы войны жила в блокадном Ленинграде, дежурила по ночам вместе с другими студентами на

крышах домов во время воздушной тревоги. Тушила зажигалки и даже на какое-то время была зачислена в воинскую часть противовоздушной обороны. А затем поступила в Ленинградский институт киноинженеров, но, не закончив, бросила учебу, подружилась со многими артистами, среди которых была и Янина Жеймо, исполнительница роли Золушки в известном фильме. А после войны работала на киностудии и всегда утверждала, что слова «нет» не существует среди киношников и что можно сварить сосиски в простой горячей воде из-под крана в захолустном гостиничном номере. Вот так и жила тетя Кульпаш. За былые заслуги получила однокомнатную квартиру и любила выпить в верной компании боевых подруг и работников цеха обработки пленки. Ближе к пенсии стала работать проводником поездов дальнего следования и не раз таким образом путешествовала то из Алма-Аты до Москвы и обратно, то до Новосибирска. И всегда являла собой борца за справедливость, а потому долго не задерживалась ни на одной из работ. Уходила по собственному желанию, но всегда хлопнув дверью, топнув ногой и презрительно закурив на глазах испуганного начальства сигарету. Одним словом, стала настоящим ветераном войны и труда и вышла на заслуженный отдых, целиком посвятив себя чтению книг, встрече с друзьями-подругами, а иногда помогала Гульнар присматривать за Икой, когда он еще не ходил в детский сад.

Когда я учился в Москве, а Гульнар заканчивала свою кандидатскую, тетя Кульпаш, можно сказать, свято выполняла свои обязанности по присмотру за малолетним Икой. Гульнар утром приводила Ику к ней и вечером забирала, благо квартира тети Кульпаш находилась рядом с институтом химии, где работала Гульнар. Так продолжалось всю неделю, до вечера пятницы. И за самоотверженный труд по уходу за ребенком – надо же, ни капли в рот всю неделю! – тетя Кульпаш получала от своей племянницы премиальные, которые она могла смело потратить по прямому назначению с боевыми подругами былой веселой жизни, но рано утром в понедельник опять надо быть в идеальной форме. До самой пятницы. И вот однажды, рано утром в понедельник, Гульнар, как всегда, собрав Ику, поехала к своей пратётушке. Открыла своим ключом дверь в её квартиру. А там никого.

Так и встали, как вкопанные, Ика и его мама Гульнар, которой через пять минут надо быть на работе. И не просто быть, а готовиться к предзащите кандидатской на тему с очень мудреным названием «Комплексообразование поливинилпирролидона и полиэтиленгликоля с регулярными карбоксилсодержащими сополимерами на основе малеи – нового ангидрида и малеиновой кислоты».

И тут зазвонил-затарактел телефон.

– Гуля, забери меня отсюда! – услышала она хриплый, но плачущий голос тети Кульпаш.

– Откуда? – испуганно спросила моя жена.

– Из вырезвителя.

– Ну ты, тетя, даешь! А где он, вырезвитель?

– На Попова, в Малой станице.

Гульнар, схватив в охапку Ику, стоявшего милым гномом в синем комбинезоне, выскочила на улицу. Поймав такси, она, с Икой на руках, стала умолять водителя:

– Пожалуйста, знаете, где вырезвитель?

– А что не знать, мигом доставим.

В салоне такси Ика мило улыбался дяде-водителю. А рядом сидела, с глазами, полными ужаса, Гульнар.

– За папой небось спешите? Забрать до девяти часов.

– Нет, за Бабой! – четко оттарабанил улыбающийся Ика.

Таксист от неожиданности резко дал на тормоза у перекрестка.

– Да-а, дела!..

В вытрезвителе, как потом поведала мне Гульнар, была забываемая встреча Ики с тетушкой Кульпаш.

– Баба! – закричал Ика, видя свою воспитательницу за решетчатым ограждением.

– Икочка! – запричитала тетя Кульпаш, протянув ему, рванувшемуся к ней, к Бабе, руки.

Вот так и стояли они, Ика и его Баба, тетя Кульпаш, обняв друг друга сквозь прутья решетки. По принципу и закону не только Станиславского, но и самой жизни. И неуместна здесь великая крылатая фраза – «Не верю!»

Гульнар выдали под расписку вещи и документы тети Кульпаш и ее саму, к великой радости ничего не понимающего Ики.

Как потом поведала тетя Кульпаш, они встретились своей обычной компанией в воскресенье на дне рождения Жанны Семеновны, проживающей в косых дворах; ну и там перебрали. А когда она, тетя Кульпаш, после застолья пошла домой, зная, что завтра приведет Гульнар Ику, то зашла в магазин, чтобы купить конфеты для драгоценного Икалечка. А там, борясь с грубостью продавщицы, слово за слово, стала вновь бороться за правду жизни и справедливости.

Она требовала жалобную книгу и заведующего, но охрана магазина вызвала совсем других людей, в результате чего ни конфет для Ики, ни спокойной ночи.

Гульнар заперла тетю Кульпаш, наказав, чтобы хорошо выспалась и была завтра в форме, а сама отвезла Ику Апашке и, опоздав на целых два часа, наконец пошла в институт химии, на работу.

VIII

Дорогие мои родичи! Слава Всевышнему и небесному божеству Тенгри, что дети мои застали вас в своем далеком уже детстве живыми и здоровыми, веселыми и мудрыми. Они, спустя годы, признательны вам, что окружили их своей лаской и заботой. Но время стремительно вращает шестеренки своего хронометра, и неумолимо оно, время, своей безвозвратностью. И нет уже рядом с нами многих из вас, проживших прекрасную жизнь, полную радости и тревог, любви и печали бытия. И всегда и везде вы были хранителями семейного очага, во имя детей, внуков и правнуков. Во имя нас с вами, дорогие мои! Давно уже нет ни Аты большого, ни Атапы, ни Апашки, ни няни и тети Кульпаш, ни дяди Гадыла, ни дяди Сержана. А память о них жива, и неистребима эта память.

Когда хоронили няню на православном кладбище, я впервые обратил внимание на дату ее рождения – 29 февраля 1915 года. Видимо, где-то там, в России, местный малограмотный писарь записал в казенной книге регистрации новорожденных эту несуществующую в календаре дату. Няня всегда уклончиво говорила, что родилась где-то в конце зимы – начале весны. И редко кому без нужды показывала свой паспорт. И тем не менее благородно жила вопреки несуществующему дню

рождения и полностью себя отдавала нашей большой семье. На молчаливый вопрос каменотеса я кивнул утвердительно, чтобы на скромном памятнике из камня была выбита именно эта дата ее рождения.

А матушка завещала похоронить ее на родовом кладбище, рядом со своим мужем – нашим отцом. Это на самом севере Казахстана, в Павлодарской области, где небольшим клином казахские земли примыкают к российским. Там до Омской области рукой подать, и в тех местах испокон веков недалеко от крепости Железинская находилось родовое имение потомков чингизидов – Тюретумсук.

Бывает, далеко, очень далеко уходят жизненной дорогой выходцы из этой священной земли, где когда-то правил главный предок нашей ветви султан Султанмамат, но своим последним пристанищем они видят родовое кладбище в Тюретумсук.

Последней обителью Апашки, нашей матушки, в пути до родового кладбища в Тюретумсук стал семейный ковер. Узоры этого ковра присутствуют на многих семейных фотографиях, запечатлевших и первые дни жизни моих братьев и сестер, и меня самого, наши школьные годы, мамыны благословения в канун свадеб ее детей, семейные события, где мама уже в окружении и детей, и внуков, и правнуков...

Орнамент ковра, переплетаясь всеми красками жизни, словно бы таил в своих узорах невидимую нить наших судеб...

Я – большой любитель парной и иногда хожу в баню «Арасан». После бани часто заходил к маме, она жила в этом районе, пили чай, разговаривали. И вот прошло полгода после ее кончины, я вышел из бани, пошел и вдруг понял, что ноги по привычке ведут меня к дому мамы...

Сел на скамейку и заплакал.

Возможно, что это мое самое лучшее ненаписанное стихотворение.

Ата большой покинул этот земной мир почти в столетнем возрасте, в девяносто шесть лет. Это случилось в святую ночь – Кадыр түні. Говорят, что люди, ушедшие в мир иной в эту ночь, сразу попадают в рай. Когда хоронили старца, то выпал пушистый легкий снег декабря. Большие хлопья снега в тишайшем безветрии плавно ложились на плечи и головы траурной процессии. Катафалк из-за снежного наста не смог проехать к месту вечного Упокоя. И люди, представители разных поколений, несли старца последние сотни метров на своих плечах.

А после погребения мы с Икой покидали Кенсай самыми последними. И я заметил, как он повзрослел, первый правнук Аты большого. И мы с сыном по дороге домой вспоминали все то, что связывало нас с этим человеком – ровесником прошлого столетия. Ика с грустной улыбкой вспомнил, что когда он после защиты диплома работал в Астане, Ата большой передал из своего гардероба новые, с этикеткой, фильдеперсовые кальсоны, чтобы его правнук не мерз в морозной Астане. А на этикетке проступала стоимость еще с советских времен – 3 рубля 20 копеек.

Ата большой и Ляльку перед его отъездом на учебу за рубеж подарил свою расчёску. И при этом лукаво сказал: «Будешь расчесывать свои волосы и каждое утро вспоминать обо мне, старце, своем прадеде».

А для Ики Ата маленький всегда оставался ангелом-хранителем, даже после своей кончины, ибо его дух не раз оберегал и предостерегал от неразумных шагов внука.

Апу при рождении назвали Кларой, в честь Клары Цеткин. Она и покинула этот мир в день женского праздника 8 марта, автором которого являлась известная немецкая революционерка. Апа горячо и сердечно любила Ику и Лялька и дожила до женитьбы своих любимых внуков, увидела в своей земной жизни и успела подержать на руках свою правнучку – Амели.

Нет среди нас и моего старшего брата Сержана. Незатихающая боль моя и моих близких. Человек высокой культуры, интеллигент от природы, дипломат по духу и образу мыслей, он по роду своей внешнеэкономической деятельности часто бывал во многих странах мира и привозил мне оттуда не только последние литературные новости, но и поэтические сборники того или иного зарубежного поэта.

Однажды, где-то в конце восьмидесятых, мы с ним вместе вылетели в Москву. Он – куда-то дальше, в Европу, я – отдыхать и творить в Переделкино. Четыре часа полета я скрасил одним переводческим опусом и показал ему. Он прочитал и, улыбнувшись, сказал, что переводить надо вне протокола и регламента, когда ты не отягощен никакими сроками, переводить и творить надо так, чтобы это были своеобразные каникулы нашего земного кочевья.

В тот момент я не обратил особого внимания на эти слова, а сейчас понимаю, что это словосочетание, состоящее из, казалось бы, полярных значений, обретает некий глубинный смысл, имя которому – свобода творчества.

А Лялёк лежал и незаметно, невзначай уснул. И снилось ему, как минувшей зимой Ата большой повел его однажды в горы. Старец любил эти пешие прогулки за город. И иногда брал с собой то Ику, то Лялька. Вначале они встречались у Атапы, а затем троллейбусом ехали по проспекту Абая до конца и там пересаживались на автобус, которым и ехали до окраины города, к предгорьям, где гуляли в яблоневом саду, а затем возвращались. И вот однажды они сели в троллейбус, и на одной из остановок озорной малыш выскочил просто так из троллейбуса и вдруг увидел в проплывающем окне испуганное лицо Аты большого. А сам троллейбус, закрыв дверцы, медленно стал удаляться от Лялька. Аксакал спохватился, попросил остановиться и вышел в людской поток на проспекте Абая.

– Ата-а! – плача, метался среди чужих прохожих он, Лялёк. А прадед спешил к нему, к своему правнуку, с каждым шагом сокращая расстояние, словно бы громаду лет между ними. Наклонился и обнял своего правнука, как бы заслоняя от всех бед и тревог века уходящего и века грядущего.

– Айналайн!..

